

Под её крик Ли Чанфу получил от Куй У сокрушительный удар ногой в грудь, от которого его швырнуло на землю. Не успел он даже опомниться, как Куй У, сделав два широких шага, схватил его за ворот и, сжимая кулак, прорычал:

— Откуда у тебя вообще наглость покушаться на моего фулана? И ещё осмеливаешься говорить об «утраченной невинности»?

С этими словами он обрушил на него два тяжёлых удара. Раздался глухой треск, и лицо Ли Чанфу, ещё недавно утончённое, тут же распухло, словно свиная голова.

— Вот теперь лицо у тебя действительно большое*, — презрительно бросил Куй У.

(ПП: «большое лицо» - это ироничное выражение, означает «наглый», «бесстыжий», «самоуверенный до неприличия», «имеющий слишком высокое мнение о себе». То есть у него большое лицо теперь и в прямом и в переносном смысле)

— Брат Чанфу... Брат Чанфу!.. — Цинь Пин подбежала, подхватила его за голову обеими руками и, увидев это страшно распухшее, посиневшее лицо, замерла. Все слова застряли у неё в горле. Глядя на него сейчас, она просто не смогла бы сказать ничего трогательного, даже если бы захотела.

Старики Цинь к этому моменту уже окаменели от страха. Увидев, как Куй У всего парой ударов превратил Ли Чанфу в мешок с мясом, они тотчас вспомнили слухи, будто он когда-то голыми руками убил тигра. Дрожая, оба попятились в угол, мечтая только об одном - чтобы земля разверзлась и поглотила их, лишь бы исчезнуть с глаз этого страшного человека.

Куй У холодно покосился на Цинь Пин - та, хоть и сохраняла на лице недовольство, но страха в глазах было гораздо больше, а ругаться и орать, как раньше, уже не осмеливалась. Убедившись в этом, он наконец остался доволен и ткнул в неё пальцем:

— Ты, иди найди мне верёвку.

Цинь Пин, хоть в глубине души и начинала что-то подозревать, всё же не осмелилась перечить - у неё не хватало смелости, чтобы рисковать жизнью ради любви. Она послушно выскользнула за дверь и вернулась с толстой пеньковой верёвкой.

Куй У вновь приказал:

— А теперь свяжи его.

Цинь Пин резко вскинула голову, уставившись на него в ужасе. Куй У тут же оскалился:

— Что, не поняла приказа?

И, не дожидаясь ответа, с издёвкой пнул Ли Чанфу ещё раз. Тот, будучи хилым студентом, физически, пожалуй, уступал даже грубоватой крестьянской девушке вроде Цинь Пин. Несколько ударов от Куй У, и он уже корчился на полу, едва шевелясь, только и мог, что хрипло постанывать.

Цинь Пин сжалась, съёжившись под грозным взглядом, слёзы покатались из глаз, как горох, но она всё же послушно опустилась на колени и начала связывать руки тому, кого ещё недавно называла “брат Чанфу”.

— Прости, брат Чанфу, — всхлипнула Цинь Пин, — я ведь тоже для твоего же блага... Если я тебя не свяжу, он опять начнёт тебя бить...

Ли Чанфу корчился от боли, говорить не мог, только налитыми кровью глазами злобно пялился на Цинь Пин, выражая полное неприятие происходящего. Но она всё же связала его крепко и аккуратно, как велел Куй У.

— Неплохо, — с удовлетворением кивнул Куй У. — Крепко завязала.

Он потянул за болтавшийся кусок верёвки и как собаку на поводке дернул Ли Чанфу с земли.

— Пошли. Отведу тебя домой.

Цинь Пин вытерла слёзы и, всхлипывая, поплелась следом.

А Куй У шёл впереди, фальшиво насвистывая какую-то мелодию и явно пребывая в отличном настроении. С тех пор как он узнал о существовании этого типа, у него руки чесались его проучить. И вот наконец-то предоставился удобный случай. Осмелился позариться на его фулана? Ха! Похоже, ему жить надоело!

Куй У, не скрываясь, гордо и шумно вышагивал по улице, волоча за собой связанного Ли Чанфу. Того буквально тащили, как пса на верёвке, по грязной мостовой. Потрясённые прохожие - и знакомые, и незнакомые - заворожённо наблюдали за этим унижительным шествием. Кто постарше, качал головой, кто помоложе поспешно пристраивался следом, чтобы не пропустить зрелище.

Ли Чанфу чувствовал, что сегодня он потерял и честь, и достоинство. Обычно его присутствие как ученого человека заставляло проявлять к нему хоть какую-то вежливость. Вне зависимости от того, сдал он экзамен или нет, люди относились к нему с долей почтения. А теперь над ним развлекались, как над собакой, которую тащил Куй У, да ещё и собралось столько зрителей. Ему хотелось просто разбить себе голову о землю.

Виновником всего происходящего был, конечно, Куй У, но тот сейчас был ему не по зубам; был и подручный виновник: Цинь Пин. Если бы она не подбивала его прийти в дом Цинь, если бы она не связала его, разве он оказался бы так опозорен?

Ли Чанфу злобно уставился на Цинь Пин, взгляд его был полон ненависти:

- Цинь Пин, ты ядовитая стерва!

— Простите, брат Чанфу, но... но я ведь тоже ради твоего блага... — всхлипнула Цинь Пин; голос её был тихим, но назойливым, словно жужжание комара.

— Заткнись, — резко оборвал её Куй У. Он оглянулся через плечо и едва сам не вздрогнул: за его спиной уже тянулся целый хвост из зевак. Те, кто узнал его, поспешили отвести глаза и спрятаться, а незнакомые с интересом продолжали наблюдать.

Куй У вдруг усмехнулся и поманил Цинь Хэ:

— Сходи вот в тот дом и попроси у них гонг. Скажи, что Куй У просит, они меня знают, не посмеют тебе отказать. Принесёшь, я для тебя устрою представление!

Цинь Хэ без труда достал гонг и даже привёл за собой всех жильцов того дома от мала до велика.

— Эй, стар и млад, выходите смотреть представление! — зазывал Куй У, с грохотом ударяя в гонг; звонкий звук разносился на всю улицу.

Он больше ничего не объяснял, только выкрикивал. Когда его спрашивали, что за спектакль будет, он загадочно отвечал: «Дойдём - сами всё увидите».

Когда они добрались до дома семьи Ли, там уже было не протолкнуться, народ облепил всё пространство перед воротами, даже через улицу стояли люди, вытягивая шеи, чтобы хоть что-то разглядеть. Некоторые так рьяно боролись за место получше, что чуть не доходило до драки.

Куй У с ходу выбил ногой парадные ворота дома Ли, сам внутрь не пошёл, а встал на пороге, надсадно крикнув:

— А ну, выходите, встречайте вашего будущего господина-цзюйжэня!

Домочадцы семьи Ли, услышав шум снаружи, выбежали во двор и обомлели: Ли Чанфу был связан. Уходил из дома человеком, а возвращался в таком жалком и униженном виде, что не узнать.

— Чанфу, сыночек, что ж с тобой случилось?! — с воплем бросилась к нему мать. — Ты кто такой? Что творишь? Мой сын - будущий цзюйжэнь, а ты посмел поднять на него руку! Я заявлю в ямен, и тебя схватят! За всё, что он пережил, ты заплатишь стократно!

Куй У резко дёрнул связанного Ли Чанфу и с силой швырнул его прямо в объятия семьи Ли. Потом отряхнул ладони:

— Вот, возвращаю человека семье Ли. Спрашиваете, как звать меня? Запоминайте: Куй У.

Семья Ли ахнула - они никогда не пересекались с Куй У и не знали его в лицо, но дурная слава о нём шла впереди.

Куй У не обратил ни малейшего внимания на их реакцию и продолжил:

— А ныне я муж Цинь Хэ из семьи Цинь. Сегодня день, когда я провожаю своего фулана в родительский дом. И что же делает ваш уважаемый господин-цзюйжэнь? Зная, что за день сегодня, он всё равно является в дом семьи Цинь. В каком качестве? В качестве жениха той самой девицы из семьи Цинь.

Он указал на Цинь Пин, стоявшую среди толпы. Тут же все взгляды устремились к ней. Цинь Пин почувствовала, как пылает лицо, стыд был сильнее даже, чем у Ли Чанфу, которого только что публично унизили. Она поспешно достала платок и закрыла им лицо.

— Ну и как вам такой цзюйжэнь, а? Не зря ведь учёный человек, и семейное воспитание у него, видать, особенное. Простолюдины-то хоть и не учёные, но знают: пока не женился, нужно соблюдать приличия, держать дистанцию. А у вас, выходит, в домах ученых иные порядки, вам такие условности не писаны.

Хотя в государстве Юнци нравы были куда более вольными, и к девушкам там относились не столь строго - позволялось и лицо показывать, и торговать, и гулять, и даже выходить на улицу в компании обручённого жениха, всё же оставаться наедине с мужчиной до свадьбы считалось делом постыдным. Такие вещи не принято было выставлять напоказ: хоть это и случалось повсеместно, в глазах окружающих подобное поведение всё равно вредило репутации, звучало двусмысленно и вызывало в воображении слишком уж живые картины. В толпе тут же раздался смешок, кто-то хихикнул, и речи становились уже далеко не благовоспитанные.

Куй У спокойно продолжил:

— Да и ладно бы, — сказал он, — в конце концов они юноша и девушка, которым суждено стать парой, чувства - дело такое, иногда трудно удержаться, это понять можно.

Но именно эти слова лишь сильнее разжигали воображение толпы. Особенно те, у кого мысли и без того были нечисты, сразу представили, что Ли Чанфу, быть может, позволил себе нечто лишнее с той девицей, а Куй У, вернувшийся с супругом в материнский дом, застал их и,

возмущённый, притащил обидчика сюда, требовать объяснений.

Очевидно, что и семья Ли подумала о том же. Ведь их сын учёный человек, и его имя не должно быть запятнано. Он не может себе позволить даже намёка на скандал, один слух способен разрушить всё.

Мать Ли напрочь забыла, что перед ней стоит прославленный, грозный, почти легендарный злодей. Не выдержав, она поспешно выкрикнула:

— Не смей молоть чепуху! Что мой сын сделал тебе плохого? За что ты так чернишь его имя?

Куй У холодно фыркнул. В душе же он кипел: «Ещё бы, да он же посягал на моего фулана! Это попытка увести у меня супруга, а за такое в одном мире нам не жить».

Мать Ли продолжала:

— Мой сын пошёл в дом семьи Цинь не ради каких-то тайных встреч! Его позвали! Люди из семьи Цинь сами пришли за ним!

— Ах вот как? — ухмыльнулся Куй У. — И с чего бы это семье Цинь звать вашего сына, человека, не состоящего в браке с их дочерью, в такой день? Разве вы не знаете, что сегодня в дом возвращаются сразу их сын-шуангэр и зять, это важнейший день?

— Потому что... — начала было мать Ли, но тут сын тихо ущипнул её, и она спохватилась. Истинную причину на людях озвучить было нельзя. Пришлось в спешке выкручиваться:

— Разумеется, потому что мой сын - человек учёный. А когда в дом возвращаются новобрачные, иметь рядом учёного - это, знаете ли, престижно. Лишний раз подчёркивает их достойный выбор.

— Вот как, — протянул Куй У с усмешкой. — То есть дело не в том, что вы заранее узнали, что я принесу с собой баранью ногу и поспешили отправить вашего сына, чтобы успеть к баранине?

А ведь действительно так и было! Вот только вслух это произнести никак нельзя, иначе во что же тогда обратится образ её сына?

— А я-то как раз подумал, что причина именно в этом, — продолжал Куй У, язвительно, будто между делом. — Иначе почему это ваш сын, узнав, что я не принес мяса, тут же начал отчитывать за старших из семьи Цинь, мол, мой супруг неблагодарный и непочтительный? Он же тогда сказал: раз купил мясо, обязан был принести его семье Цинь, раз покупал хлопок и ткань, то и для сестры, то есть для вашей будущей невестки, тоже должен был купить, а не купил - стало быть, бесчестен и неуважителен.

Ли Чанфу вытаращил глаза, не веря своим ушам:

— Ты лжёшь! Я ничего такого не говорил!

Но никто его и не слушал. Да и Куй У не собирался останавливаться, продолжал, будто и не слышал возражения:

— Я лгу, да? Тогда поклянись. Поклянись небом и своей будущей учёной карьерой, что ты не ел те самые мясные баоцзы, купленные на последние пять вэнь, что выдали моему фулану на лекарство. Он ведь перед самой свадебной процессией тяжело заболел, лихорадка была. Его сестре дали пять вэнь лекарство купить. А твоя будущая жена, пожадничав, забрала эти деньги и купила тебе два мясных баоцзы. А мой супруг с жаром и болью сел в свадебный паланкин, и если бы я не успел, он бы живым из него не выбрался.

Лицо Ли Чанфу резко побледнело, потом покрылось пепельным оттенком. Это был его позор.

— Я не знал, я и вовсе не знал, что это были спасительные деньги брата Циня! — с отчаянием возразил Ли Чанфу. — Иначе ни за что бы не притронулся!

— Ах, вот как? — Куй У прищурился. — Значит, ты так привык есть за счёт семьи Цинь, что, когда Цинь Пин приносит тебе еду, даже не спрашиваешь, откуда она. Ну тогда всё ясно. И не удивительно, что, едва услышав, будто я принес баранину, сразу поспешил туда, а как выяснилось, что мяса нет, встал рядом со старшими семьи Цинь и принялся меня отчитывать. Видно, до такой степени привык к подачкам, что счёл всё своим, а тут обломился, вот и вспылал, да?

На самом деле, Куй У мог бы остановиться ещё тогда, как только выплеснул на Ли Чанфу свою злость. Мог, но не захотел. Ему этого было мало. Он не просто хотел унижить, он хотел уничтожить его репутацию. А у учёного человека она важнее жизни. Независимо от того, что правда, а что ложь, пятно на имени недопустимо. Вот Куй У и воспользовался этим случаем. Опозорил его прилюдно, выставил в самом дурном свете. И теперь, даже если Ли Чанфу когда-нибудь попытается реабилитироваться, восстановить своё честное имя, будет поздно. Слух уже пошёл. И когда придёт время сдавать экзамены, кто станет его поручителем? Никто не захочет связываться с человеком, о котором шепчутся на каждом углу, пусть даже слухи окажутся ложью.

Разумеется, если Ли Чанфу предложит денег, охотники поручиться за него найдутся. Но это будет стоить немалых серебра, а для бедной семьи Ли такая трата обернётся настоящим ударом, только усугубит их положение. Дом станет ещё беднее, дни ещё труднее, братья только злее, а в семье ещё больше ссор и неприязни. Вот этого Куй У и добивался, чтобы не просто опозорить, а ещё и в придачу вытянуть из Ли Чанфу побольше, устроить западню, в которую тот непременно попадёт.

— Ты... ты клеветешь! — Ли Чанфу сотрясался от ярости и бессилия. Он успел только выкрикнуть это, а затем с размаху грохнулся навзничь, вытянувшись прямо на земле.

— Чанфу! Чанфу!.. — в панике закричала мать, поспешно бросившись к сыну, поднимая его на руки. — Небеса, да есть ли тут хоть какие-то законы?! Далан, живо в ямен! Я не верю, что не найдётся управы на такого злодея!

Однако Ли Чанфу вовсе не был без сознания. Как-никак он мужчина, пусть и хилого сложения, разве можно поверить, что всего лишь от гнева он впрямь отключился? Нет, он лишь разыграл обморок, чтобы избежать дальнейшего позора. Ведь если Куй У продолжит устраивать скандал, а зрителей станет ещё больше, тогда слухи расползутся по городу, и даже ложь со временем примут за правду. А с такой репутацией о будущем можно забыть, никакой надежды что-либо исправить не останется.

Но вот мать Ли решила звать чиновников, и Ли Чанфу пришёл в ужас – он-то знал, почему Куй У избил его. Куй У, щадя честь Цинь Хэ, умолчал о настоящей причине, но именно она и была главной, и, более того, вполне достаточной. Ведь если дело дойдёт до разбирательства и всплывёт правда, что он, Ли Чанфу, положил глаз на уже женатого шуаньэра, да ещё и пытался уговаривать его бежать с ним прямо под носом у мужа, тогда ему действительно можно ставить крест на карьере. Ни о никакой государственной службе и речи не будет. Хуже того, ему грозит тюрьма.

Он поспешно, незаметно для посторонних, изо всех сил сжал матери руку. Мать Ли сразу это ощутила. Она не знала, в чём именно дело, но, раз сын так настаивает на том, чтобы не шуметь, значит, причина есть. Она быстро сообразила, что нужно потакать ему, и поспешно велела остальным сыновьям занести младшего в дом. Пользуясь суматохой, она велела закрыть ворота на засов, отгородившись от любопытной толпы.

<http://bllate.org/book/13598/1205825>